

Семён ЭКШТУТ,
доктор философских наук

КАРТА РОССИИ, или «ДОЛГО ЛИ ВАМ РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ?»

23 декабря в Выставочном зале Успенской звонницы Московского Кремля открылась выставка «Карта России — вехи истории». Центральным экспонатом новой экспозиции Музеев Московского Кремля, посвящённой феномену России как самого большого государства, статус которого она удерживает с конца XVII столетия, стало уникальное произведение — вышитая карта Российской империи. Карта была создана воспитанницами Московского училища ордена св. Екатерины в 1872 году и подарена ими Александру II. Это потрясающее рукотворное произведение лишь однажды экспонировалось в России, в то время как вышитой карте не раз приходилось украшать собой зарубежные выставки. Одним из значительных деяний императора Александра II стало существенное расширение границ державы. В 1867 году территория России, к которой при Александре II были присоединены многие земли в Средней Азии, на Кавказе и Дальнем Востоке, достигла площади 23 700 000 квадратных километров! Вышитая карта удивительным образом соединяет в себе монументальность, торжественное величие образа Российской империи и трепетную, трогательную рукотворность безупречной техники юных мастериц. Эта вышитая карта напомнила мне любопытный разговор, состоявшийся в конце первой трети XIX века.

30 ноября 1833 года Александр Сергеевич Пушкин сделал в потаённом дневнике весьма примечательную запись: «Вчера бал у Бутурлина (Жомини). — Любопытный разговор с Блайем: зачем у вас флот в Балтийском море? для безопасности П[етер]б[урга]? но он защищён Кронштадтом. Игрушка! — Долго ли вам распространяться? (мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бут[урлиным]). Ваше место Азия; там совершите вы достойный подвиг сивилизации... etc.»¹ Пушкинский дневник достоин того, чтобы о его внешнем виде было сказано особо. «Это был большой тяжёлый альбом в твёрдом картонном переплете, с корешком, оклеенным тёмно-коричневой кожей. На задней крышке переплёта имелся плоский стальной замок овальной формы. К передней его крышке был прикреплен треугольный кожаный клапан с защёлкой для замка. Это была «тайная» тетрадь, запиравшаяся на замок. Насколько нам известно, свои дневниковые записи Пушкин никому не читал и не показывал»². Ключ от дневника Пушкин носил при часах, на цепочке. Секретный дневник был начат лишь 24 ноября, то есть несколькими днями ранее. Это была всего-навсего пятая запись на его страницах, и Пушкин вряд ли бы стал закреплять на отличной бумаге ничего не значащую болтовню гостей. Вдумаемся в эту конспективную и лишённую каких-либо оценок запись, очень точно передающую состоявшийся обмен острыми репликами, имевшими глубоко скрытый подтекст.

Итак, на следующий день после очередного великосветского бала гениальный поэт посчитал необходимым зафиксировать для потомства примечательный диалог, но не стал его комментировать. Сделаем это за него и уточним обстоятельства времени и места. Хозяином дома и устройтелем бала был граф Дмитрий Петрович Бутурлин (1790–1849) — военный историк, имевший прозвище Жомини, автор ряда

«Карта Российской империи». Московское училище ордена Святой Екатерины. 1872 г. Шерсть; вышивка. Музеи Московского Кремля.

многотомных военно-исторических сочинений. Военное дело граф Дмитрий Петрович знал не понаслышке. Начав в 1808 году служебную карьеру корнетом Ахтырского гусарского полка, он с отличием принял участие в нескольких кампаниях и в январе 1830-го в чине генерал-майора вышел в отставку с должности генерал-квартирмейстера 2-й армии, заслужив Золотую шпагу «За храбрость» за участие в Отечественной войне 1812 года и орден св. Владимира 2-й степени за сражение при селении Кулевча во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Бутурлин пользовался милостивым расположением Александра I, чьим флигель-адъютантом он состоял с 1817 года. А вот император Николай Павлович его за что-то невзлюбил и вынудил уйти со службы. Впрочем, граф, вышедший в отставку, как говорили в то время, «по домашним обстоятельствам», с мундиром и пенсионом в размере одной трети оклада — всего-навсего 1000 рублей в год, — не унывал. Приехав в Петербург, он зажил на широкую ногу, ибо меньше всего нуждался в государевом жалованье: после смерти отца он вместе с братьями получил наследство, общая официальная (и явно заниженная) стоимость которого составляла 1 328 900 рублей. А жена графа Елизавета Михайловна, урождённая Комбурлей, принесла супругу колоссальное приданое — 4603 крепостных души и богатейшие имения³.

Графиня пользовалась нескрываемым расположением Николая I — чьи настойчивые ухаживания за Бутурлиной нередко давали высшему свету повод для злословия. Елизавета Михайловна входила в число тех дам, которых Николай Павлович демонстративно «обнадёживал и словами, и взглядами, не всегда прилично красноречивыми»⁴. Острый взгляд Александры Осиповны Смирновой-Россет подметил выразительную сцену: «Наискось в дверях стоял царь с Е. М. Бутурлиной, которая беспечной своей весёлостью более, чем красотой, всех привлекала, и, казалось, с ней живо говорил; она отворачивалась, играла веером, смеялась иногда и показывала ряд прекрасных своих жемчугов; потом, по своей привычке складывала, протягивая, свои руки — словом, была в весьма большом чувстве неловкости»⁵.

Император желал видеть эту петербургскую красавицу на придворных балах

в Аничковом дворце, где каждый раз собиралось не более сотни гостей — сливки великосветского Петербурга. Граф резонно не хотел отпускать жену на балы в Аничковом без себя, а его туда не приглашали, как отставного. Охота пуще неволи, и царь сменил гнев на милость. 14 мая 1833 года, после трёх лет вынужденной отставки, Бутурлин был вновь принят на службу, пожалован чином тайного советника (III класс Табели о рангах, на одну ступень выше, чем чин генерал-майора, с которым граф был отставлен) и назначен сенатором Межевого департамента Правительствующего Сената. Теперь Николай I получил возможность приглашать графиню, ставшую одной из его любимых партнёрш в танцах, на интимные балы в Аничковом, где танцевали самые элегантные великосветские дамы⁶. Граф же, сопроводив супругу на бал, с чувством выполненного долга прочно усаживался в так называемой старческой комнате за зелёным столом и весь вечер проводил в карточной игре. «Бутурлин ... играл серьёзно и на выигранные деньги одевал свою богатую супругу»⁷. В это время в белой гостиной Аничкова дворца танцевали. «Государь занимался в особенности баронессой Крюднер, но кокетствовал, как молоденькая бабёнка, со всеми. И радовался соперничеству Бутурлиной и Крюднер»⁸.

Князь Пётр Андреевич Вяземский дал графу нелицеприятную характеристику: «Он человек был умный и с способностями, с большими предубеждениями;

сердца, полагаю, довольно жёсткого и честолюбия на многое готового, но вообще одарённый тем, что выводит людей везде и всегда. Мало кто имел бы столько прозвищ, как он. Сперва был он Бутурлин-Жомини, потому что стал известен военными сочинениями; там Бутурлин-Трокадеро, потому что находился при главной квартире герцога Ангунемского во время Испанской войны; там Бутурлин-доктринёр, по сгибу ума его и мнениям, цельным и порешённым однажды навсегда. Под конец прозвали его барынею 17-го столетия, по поводу драмы, которую представляли на Александринском театре, и вследствие понятий его отсталых»⁹.

Однако довольно о Бутурлиных. Настало время сказать о карте, которую рассматривали гости на балу. Одна из книг графа, четырёхтомная «Военная история походов Россиян в XVIII столетии» (1819–1823), сохранилась в библиотеке поэта. Четвёртый том этого издания представлял собой атлас, состоящий из 14 карт с пояснительными таблицами. Карты были гравированы и печатаны при Главном штабе Его Императорского Величества. Прошло ровно десять лет после выхода этого атласа, почему же у гостей вдруг возникло странное желание разглядывать во время бала географическую карту Российской империи? Настало время рассказать о человеке, который был собеседником Пушкина. Его звали Джон Дункан Блай (1798–1872). Он

Карта «Россия, обычно именуемая Московией, части северная и восточная». Голландия, издательский дом семьи Блау. 1650 г. Бумага; гравюра, акварель. Музеи Московского Кремля.

Пасхальное яйцо «300-летие Дома Романовых». Санкт-Петербург. 1913 г. Фирма Карла Фаберже. Мастер Генрих Вигстрем, художник Василий Зуев. Золото, серебро, бриллианты, алмазы огранки «роза», пурпурин, сталь, бирюза, горный хрусталь, кость, стекло; литьё, эмаль, акварель, чеканка, гравировка, гильошировка, воронение, золочение, резьба, монтировка. Музеи Московского Кремля.

Шапка Казанская. Москва. Мастерские Московского Кремля (?), 1553 (?). Золото, серебро, сапфир, рубины, турмалины, бирюза, жемчуг, мех соболя; чеканка, литьё, резьба, чернь. Музеи Московского Кремля.

Шестопёр парадный. Турция, Стамбул. Середина XVII в. Золото, дерево, ткань золотая, альмандин, изумруды, рубины; резьба, чеканка, эмаль. Музеи Московского Кремля.

Шлем — «Шапка ерихонская». Турция. XVI в. Сталь булатная, рубины, сапфир, бирюза, ткань, серебро, золото; ковка, чеканка, насечка золотом, резьба. Музеи Московского Кремля.

Блюдо. Москва. Мастерские Кремля. 1561 г. Золото; ковка, чеканка, чернь. Музеи Московского Кремля.

был прекрасно образован. Учившийся в Итоне и окончивший Оксфорд со степенью бакалавра искусств, Блай был успешным карьерным дипломатом, до своего появления в Петербурге успевшим поработать в Вене, Париже, Флоренции и Гааге. В 1832–1835 годах он, официально имея ранг временно-полномочного министра, в течение четырёх лет фактически исполнял обязанности официального дипломатического представителя Великобритании в Российской империи (английское правительство не назначало тогда посла в Россию). Пребывание Блая в Петербурге совпало со временем напряжённых отношений между Россией и Англией, проявившихся в ряде мелких дипломатических конфликтов.

веча великим князем) не случайно получил это ответственное назначение вдали от столицы. Дипломат и разведчик сделал вывод: наступает очередной раунд Большой игры — противостояния двух империй на Востоке.

Блай не ошибся. Уже 6 декабря 1833 года, в день тезоименитства государя, Перовский получил сразу три награды: он был пожалован чином генерал-лейтенанта, званием генерал-адъютанта императора и утверждён в занимаемой должности. Вскоре Перовский приступил к подготовке военной экспедиции, рассказ о которой выходит за рамки

Медаль «В память присоединения к России Крыма и Тамани и в честь князя Потёмкина, 1783 г.».
Россия. XVIII в. Мастер Абрахам Абрамсон. Серебро; чеканка. Музеи Московского Кремля.

знают Россию. Все войны, которые они возбуждали, всегда служили только к навыку наших войск, и так нам помогали подвигаться вперёд...»¹⁰

Впрочем, вернёмся к экспонатам очередного вернисажа Музеев Московского Кремля. В уникальных произведениях искусства XIV — начала XX века на выставке «Карта России» представлена история формирования территории Российского государства, полная драматических и светлых событий, военных действий и династических хитросплетений, географических открытий и дипломатических соглашений. Основой выставки стали предметы материальной культуры, которые были специально созданы по повелению российских правителей в связи с важнейшими событиями в геополитиче-

Полномочный министр Блай неспроста затеял этот разговор. По существу, он провоцировал Пушкина на откровенные признания о планах Российской империи на Востоке. Почему же британский дипломат обратился именно к Александру Сергеевичу? Всё очень просто. 15 апреля 1833 года генерал-майор Василий Алексеевич Перовский (1795–1857) был назначен исполняющим должность Оренбургского военного губернатора и командира Отдельного Оренбургского корпуса. А уже в сентябре того же 1833-го Пушкин, собиравший материалы для написания «Истории Пугачёва», навел на него, своего закадычного приятеля, в Оренбурге. Блай резонно предположил, что генерал Перовский, любимец и доверенное лицо императора Николая (чьим адъютантом он был ещё в бытность Николая Павло-

моей статьи. Судя по всему, Александр Сергеевич гениально разгадал игру британца и не поддался на провокацию. Что же касается ответа на вопрос: «Долго ли вам распространяться?», то ответ на него был дан ещё Екатериной Великой.

Российская история — это процесс постоянного усиления страны вопреки её врагам. К такому выводу Екатерина пришла 26 января 1791 года.

«Если события, следовавшие одно за другим в наше столетие, были славны для России; если её завистники были часто поражены удивлением... надо искать причину только в интригах и злоумышлениях врагов этого государства; они хотели причинить ей великие бедствия и тем поставили её в необходимость развернуть силы, никем не подозреваемые, так как те, которые более всего заинтересованы, менее всего

ской истории России и хранятся сегодня в Музеях Московского Кремля.

Посетители смогут увидеть около ста экспонатов из различных коллекций музея. Эти уникальные памятники расскажут об основных вехах многовекового пути от Московского княжества до колоссальной евразийской державы, уже более трёхсот лет остающейся крупнейшим государством в мире.

И вновь уместно вспомнить слова Екатерины II: «Если бы кто был настолько сумасброден, чтобы сказать: вы говорите мне, что величие и пространство Российской империи требует, чтобы государь её был самодержавен; я нимало не забочусь об этом величии и об этом пространстве России, лишь бы каждое частное лицо жило в довольстве; пусть лучше она будет поменее; такому безумцу я бы отвечала: знайте же, что, ес-

Пасхальное яйцо с моделью сибирского поезда. Санкт-Петербург. 1900 г. Фирма Карла Фаберже. Мастер Михаил Перхин. Платина, золото, серебро, рубины, алмазы огранки «роза», шёлк, оникс, бархат, дерево; литьё, эмаль, гравировка, скань, зернь, гильошировка, чеканка, монтировка. Музеи Московского Кремля.

Цепь большого наряда царя Михаила Романова. Москва. Мастерские Кремля. 1613–1626 гг. Золото; чеканка, резьба, гравировка, канфарение, клёпка. Музеи Московского Кремля.

Сабля в ножнах с поясом. Иран. Первая половина XVII в. Золото, серебро, сталь булатная, дерево, тесьма, рубины, изумруды, алмазы, бирюза, яшма; ковка, резьба, басма, чернь, инкрустация, насечка золотом, эмаль. Музеи Московского Кремля.

Ключ крепостной от г. Риги. Рига. 1710 г. Мастер Иоганн Георг Эбен. Золото; литьё, резьба, чернь. Музеи Московского Кремля.

Часы. Франция, Париж, первая половина XIX в. Мастер Robin. Стекло, золото, металл не драгоценный; эмаль живописная, штамп, гравировка, гильошировка. Музеи Московского Кремля.

ли ваше правительство преобразится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области сделаются добычею первых хищников; не угодно ли с вашими правилами быть жертвою какой-нибудь орды татар и под их игом надеетесь ли жить в довольстве и приятности»¹¹.

Выставка «Карта России — вехи истории», во-первых, даёт превосходный повод порассуждать о том, как происходило формирование Государства Российского, во-вторых — даёт представление о том, какими глазами европейцы смотрели на себя и какими — на Россию. Принципиально не желая видеть в европейской истории ни насилия над побеждёнными, ни разграбления покорённых, европеец и тот, кто хотел казаться европейцем, всегда и везде ставили России всякое лыко в строку, облыжно обвиняя её в разнообразных прегрешениях. Ещё в конце XIX столетия Николай Яковлевич Данилевский, а в начале XX века Дмитрий Иванович Менделеев писали, что приращение территории Российской империи меньше всего походило на завоевание: вновь обрётённые территории не разграблялись, на право собственности автохтонного населения центральная власть не покушалась, как не покушалась власть на религиозные верования, обычаи, традиции и язык своих новых подданных. «В отношении к самой России нельзя упускать из виду, что её громадная величина получилась исключительно благодаря стечению обстоятельств, окружавших сравнительно небольшой союз центральных русских людей. Завоевателей у нас не было ни одного, и завоевательных стремлений у нас не было и нет, да и быть по всему духу народному не может. Пришлось нам со всех-таки сторон защищаться, а при защите нередко занимать места, из которых наши теснители сами вытеснялись. Нечего вспоминать тут половцев или татар, а достаточно указать на остзейцев, шведов, кавказцев, киргизов, крымцев и среднеазиатов. Огромные края Малороссии, Грузии и Сибири сами пристали к нам, поняв будущую силу России и невозможность держаться самостоятельно. Литва и Польша за свои многочисленные напоры на нашу страну поплатилась покорением и разделом, потому что русский реализм выше и крепче ихних от латынщины навеянных начал»¹².

Пожалуй, именно Данилевский был тем первым мыслителем, кто обратил внимание на наличие у Европы системы двойных стандартов, коль скоро речь заходит о России и о приращении её территории. Учёного возмущали «та двойственность меры и та фальшивость весов, которыми она отмеривает и отвешивает России и другим государствам». Строго говоря, его книга «Россия и Европа» есть не что иное, как последовательное разоблачение этой системы двойных стандартов. «Если же разбирать дело по совести и чистой справедливости, то ни одно из владений России нельзя назвать завоеванием в другом,

«Знамя Ермака Тимофеевича».

Россия. Конец XVII в. (?). Холст, краски; ткачество, аппликация, роспись. Музеи Московского Кремля.

в числе почти двухсот миллионов душ, отняла Гибралтар у Испании, Канаду — у Франции, мыс Доброй Надежды — у Голландии и т.д. Земель пустопорожних или заселённых дикими неисторическими племенами, в количестве без малого 300 000 квадратных миль, я не считаю завоеваниями. Франция отняла у Германии Эльзас, Лотарингию, Франш-Конте; у Италии — Корсику и Ниццу; за морем покорила Алжир. А сколько было ею завоёвано и опять от неё отнято! Пруссия округлила и соединила свои разбросанные члены за счёт Польши, на которую не имела никакого права. Австрия мало или даже почти ничего не отняла мечом, но самое её существование есть уже преступление противу права народностей. Испания в былые времена вла-

антинациональном и потому ненавистном для человечества смысле. Много ли государств, которые могут сказать про себя тоже самое? Англия у себя под боком завоевала независимое Кельтское государство, — и как завоевала! — отняла у народа право собственности на его родную землю, голодом заставила его выселяться в Америку, а на расстоянии чуть не полуокружности Земли покорила царства и народы Индии

дела Нидерландами, большею частью Италии, покорила и уничтожила целые цивилизации в Америке»¹³.

К этим словам мне нечего добавить. Минувшее столетия с тех пор, как они были написаны, а звучат на редкость актуально и способны дать фору публицистической колонке современной политической газеты, вышедшей из под пера современного политолога или журналиста.

Примечания

1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. М. 1996. С. 315.
2. Абрамович С. Л. Пушкин в 1833 году. Хроника. М. 1994. С. 493–494.
3. Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906.

Биобиблиографический справочник. СПб. 2006. С. 98–99.
4. Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М. 1989. С. 8.
5. Там же. С. 9.
6. Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000. С. 247, 423.
7. Смирнова-Россет А. О. Указ. соч. С. 186.

8. Там же. С. 8.
9. Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1853–1878 // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. X. СПб. 1886. С. 120.
10. Цит. по: Экштут С. А. На службе российскому Левиафану. Историософские опыты. М. 1998. С. 19–20.

11. Цит. по: Там же. С. 7–8.
12. Менделеев Д. И. Заветные мысли. Полное издание (впервые после 1905 г.). М. 1995. С. 377–378.
13. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб. 1995. С. 25, 31–32.